

МОСКВА–ВАШИНГТОН–ТОКИО В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕГОВОРОВ О НОРМАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1954–1955 гг.)

После подписания многостороннего Сан-Францисского мирного договора с Японией от 8 сентября 1951 г., участником которого отказался стать СССР, советско-японские отношения на протяжении последующих трех лет оставались замороженными. Между Москвой и Токио не были восстановлены дипломатические отношения, не было прекращено состояние войны, Япония не признавала советского представительства в Токио, находившегося там со времени союзной оккупации.

Между тем потребность в нормализации взаимоотношений стран-соседей чувствовалась, однако реализовываться она начала лишь после смерти И.В. Сталина, смены правительства в Японии и изменения международной обстановки на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Последнее обстоятельство было связано с прекращением войны в Корее и Индокитае и с проведением в этой связи в середине 1954 г. Женевского совещания министров иностранных дел пяти великих держав – СССР, США, Великобритании, Франции и КНР. Подписание в июле этого года Женевских соглашений, положивших конец многолетним военным действиям во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, создало благоприятную атмосферу для новых шагов по ослаблению напряженности между Востоком и Западом. Этой ситуацией воспользовались в Токио и Москве для начала двустороннего диалога, направленного на восстановление дипломатических отношений друг с другом.

Советская историография традиционно вела старт этого диалога от совместной декларации СССР и КНР от 11 октября 1954 г. и тем самым как бы приписывала инициативу в данном процессе указанным двум державам. Между тем это не совсем так как в отношении инициаторов, так и даты. В действительности первые шаги были неофициально предприняты японской стороной, и произошло это несколькими месяцами ранее, на что Москва вынуждена была реагировать.

С середины 1954 г. в Японии начал наблюдаться рост стремления к восстановлению отношений с СССР. Отражением этого явился зондаж японскими представителями советской позиции. В это время в Москву стало поступать много заявлений и писем от различных деловых, общественных и политических кругов о желательности нормализовать и расширить торговлю, наладить культурный и научный обмен, а также восстановить нормальные дипломатические отношения между двумя странами. Этот вопрос затрагивали и многие японские деятели, посетившие СССР летом–осенью того года.

В сентябре главный редактор японской газеты «Цюбу Ниппон симбун» М. Судзуки направил на имя министра иностранных дел СССР В.М. Молотова письмо с вопросами о советско-японских отношениях. Судзуки, в частности, спрашивал о том, какие препятствия мешают восстановлению нормальных отношений между Москвой и Токио спустя 9 лет после окончания Второй мировой войны и особенно после Женевского совещания, когда усиливается желание народов многих стран восстановить мирное сосуществование Востока и Запада¹.

11 сентября 1954 г. японец получил ответы министра. По поводу вышеуказанного вопроса Молотов заявил, что, по его мнению, главным препятствием на пути восстановления отношений является следование определенных кругов Японии, под которыми, очевидно, подразумевались прежде всего премьер-министр С. Иосида и его правительство, диктату господствующих кругов США, «которые стремятся удержать

* Сафронов Вячеслав Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Японию в положении зависимой страны». Выразив уверенность, что Япония не может долго оставаться в таком положении, он подчеркнул готовность СССР нормализовать с ней отношения, если и с ее стороны будет проявлена такая же готовность².

Между тем японские политики, включая и самого Иосиду, однозначно высказывались в это время по данной проблеме. Они говорили, что в вопросе нормализации отношений с СССР и КНР Япония не возьмет на себя инициативу, но в случае проявления таковой со стороны Москвы и Пекина японское правительство рассмотрит соответствующее предложение.

В этой связи на следующий день после передачи ответов Молотова, 12 сентября, первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в записке в ЦК КПСС указывал, что, по мнению МИД СССР, отсутствие дипломатических и сколько-нибудь нормальных торговых отношений с Японией политически невыгодно для Советского Союза и выгодно для США и японской реакции, ибо создает благоприятные условия для дальнейшего политического и экономического подчинения Японии политике Вашингтона, лишая СССР какого бы то ни было влияния в этой стране. Отметив невозможность для Японии как побежденной страны, находящейся в зависимости от США, взять на себя инициативу восстановления отношений с СССР, Громыко заявлял о целесообразности самой советской стороне предпринять определенные шаги на этом пути.

В качестве первого шага предлагалось провести зондаж позиции японского правительства по вопросу нормализации отношений через советского посла в Лондоне Я.А. Малика. В случае согласия Токио советской стороне в ходе переговоров следовало предложить японцам установить нормальные дипломатические отношения и обменяться дипломатическими миссиями или хотя бы генеральными консульствами, а по достижении такой договоренности выступить с декларациями о прекращении состояния войны между СССР и Японией.

Президиум ЦК решил пока отложить рассмотрение этих предложений, зарезервировав их на будущее. Вместо этого на данный момент было признано целесообразным выступить с совместной декларацией СССР и КНР об отношениях с Японией, приуроченной к 5-летию образования Китайской Народной Республики. Проект декларации, подготовленный МИД СССР, был утвержден Президиумом ЦК КПСС 2 сентября, а 11 октября 1954 г. она была подписана в Пекине от имени правительств обеих стран и на следующий день обнародована.

В декларации подчеркивалось, что Советский Союз и Китайская Народная Республика в своей политике в отношении Японии исходят из принципа мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя. Правительства СССР и КНР указали, что они стоят за развитие широких торговых отношений с Японией на взаимовыгодных условиях, за установление с ней тесных культурных связей, готовы предпринять шаги с целью нормализации своих отношений с ней, и что она встретит полную поддержку в своем стремлении к установлению политических и экономических отношений с СССР и КНР³.

Одновременно с принятием декларации в ходе переговоров между правительственными делегациями Советского Союза и Китая было принято решение о выводе советских войск из военно-морской базы Порт-Артур, чтобы продемонстрировать отсутствие у СССР каких-либо воинственных намерений на Дальнем Востоке и вызвать соответствующую реакцию в Японии в условиях, когда на ее территории насчитывалось множество американских военных баз.

Совместная советско-китайская декларация вызвала широкие отклики в Японии. За нормализацию отношений Японии с СССР, КНР и другими странами социалистического лагеря стали выступать самые различные слои японского общества. На последние призывы Москвы отреагировали и правительственные круги Токио, решившие проверить, насколько далеко готово пойти в этом деле советское правительство и не является ли все это продолжением его традиционной пропаганды, обличающей американский империализм и японскую агрессивность и стремящейся рассорить Японию и США.

13 октября заместитель министра иностранных дел Японии Окумура в беседе с советским дипломатом заявил, что официальные круги Токио рассматривают эти заявления СССР не как официальные обращения к японскому правительству, а как обращения к японской компартии и потому было бы целесообразнее такие заявления сделать непосредственно правительству Японии.

МИД СССР был готов и считал нужным приступить к непосредственным переговорам с Токио для обсуждения конкретных вопросов установления официальных отношений между двумя странами, и прежде всего об обмене представительствами. Соответствующие предложения были направлены в ЦК КПСС. Однако высшее партийно-государственное руководство вновь посчитало преждевременным торопить события и нецелесообразным выступать с инициативой перед японцами, чтобы не выдавать свою незаинтересованность в урегулировании нерешенных вопросов и тем самым не ставить себя сразу в невыгодные условия на переговорах. Оно предпочитало, чтобы инициатива исходила от японской стороны.

Поэтому советскому представителю в Токио было дано указание при подходящем случае заявить Окумуре, что позиция советского правительства, свидетельствовавшая о его готовности нормализовать отношения с Японией, была изложена в ответах Молотова Судзуки 11 сентября 1954 г. и в советско-китайской декларации, а ожидаемые от Японии соответствующие шаги до сих пор не сделаны. Советский представитель должен был подчеркнуть, что при обсуждении вопроса нормализации отношений могли бы быть рассмотрены и вопросы, интересовавшие японскую сторону.

Однако осенью 1954 г. правительству Иосиды уже было не до нормализации с СССР ввиду растущей непопулярности премьера в японских политических и общественных кругах и его критического положения на внутривластной сцене. Кроме того, в это время его недоверие к СССР возросло ввиду нарастающего беспокойства по поводу распространявшейся советско-коммунистической пропаганды против Японии в странах Юго-Восточной Азии, в чем он усматривал двурушничество Москвы. В ходе своего визита в Вашингтон он даже предложил американскому правительству принять совместные меры противодействия этому⁴.

9 декабря 1954 г. правительство Иосиды вынуждено было уйти в отставку, так и не решившись сделать реальный шаг навстречу нормализации отношений с СССР и оставив своего бывшего руководителя в истории с клеймом политика односторонней ориентации на Вашингтон. Новый курс во внешней политике Токио предстояло осуществлять уже другим деятелям, которые и добились смещения прежнего руководства ввиду принципиального несогласия в том числе и с его международной деятельностью. Их лидером стал новый премьер-министр И. Хатояма, только что создавший ради этого Демократическую партию Японии и сформировавший свой кабинет 10 декабря.

Своей центральной политической целью Хатояма провозгласил нормализацию отношений с СССР и Китаем, которая быстро стала одним из главных лозунгов его партии⁵. 11 декабря 1954 г. эта позиция была официально подтверждена в программном заявлении нового министра иностранных дел М. Сигемицу о внешней политике правительства, который подчеркнул, что Япония хочет «восстановить нормальные отношения с Россией и Китаем на взаимоприемлемых условиях», не нанося, однако, ущерба своей основной политике сотрудничества со свободными нациями⁶.

В Москве наконец-то услышали публичное проявление реальной готовности японского правительства к нормализации двусторонних отношений, на что так и не решился предыдущий премьер, и потому сочли целесообразным тотчас отреагировать на него. По поручению Президиума ЦК КПСС Министерство иностранных дел СССР подготовило заявление своего руководителя Молотова по поводу выступления Сигемицу, считая необходимым выразить в нем положительную реакцию советского правительства.

В этом заявлении от 16 декабря 1954 г. указывалось, что, по мнению Советского Союза, нормализация советско-японских отношений отвечает не только интересам обоих государств, но и интересам других стран, заинтересованных в укреплении мира на Дальнем Востоке и в ослаблении международной напряженности. Советское правитель-

ство подчеркивало свою положительную реакцию на выступление Сигемицу и выражало готовность обсудить вопрос о практических мерах по осуществлению нормализации двусторонних отношений, если и Токио намерен предпринять аналогичные шаги⁷.

Японские официальные круги позитивно восприняли советское заявление. В частности, это нашло свое выражение спустя несколько дней в высказываниях Сигемицу на пресс-конференции и в парламентской комиссии. Одновременно МИД Японии попытался установить неофициальный канал связи с советским представительством в Токио для налаживания контактов по вопросу нормализации отношений и через свое доверенное лицо сообщил советским дипломатам о желании Сигемицу, чтобы инициативу по линии практических шагов на этом пути проявила Москва.

В этой связи МИД СССР рекомендовал высшему партийно-государственному руководству страны по дипломатическим каналам предложить японскому МИДу обменяться мнениями по вопросу о возможных шагах, направленных к нормализации советско-японских отношений. Президиум ЦК утвердил предложения министерства, и советскому представительству в Токио было дано указание через доверенное лицо японского МИДа устроить встречу с Сигемицу или его заместителем и сделать им соответствующее предложение.

В конце декабря 1954 г. советским представительством в Токио были сделаны попытки организовать такую встречу. Однако она не состоялась из-за нерешительности и опасений руководства японского МИДа вмешательства со стороны американцев. Дело в том, что часть американских официальных кругов с настороженностью отнеслась к первым же заявлениям нового японского правительства о желании нормализовать отношения с СССР и Китаем, опасаясь крена этого правительства в сторону социалистических государств и причинения тем ущерба прочности американо-японских отношений и интересам США на Дальнем Востоке.

В этой связи 27 декабря 1954 г. американский посол в Японии Дж. Аллисон беседовал с Сигемицу, который, однако, успокоил своего собеседника заявлением о том, что у Токио нет никаких конкретных планов урегулирования отношений с коммунистическим блоком и если правительство примет такие планы, то первым делом оно проконсультируется с Соединенными Штатами⁸. В эти же дни с Хатоямой и Сигемицу на данную тему беседовали наряду с Аллисоном и другие высокопоставленные американские чиновники, в частности главнокомандующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Дж. Халл и председатель Комитета начальников штабов США адмирал А. Рэдфорд. Все они возражали против нормализации взаимоотношений Токио и Москвы.

Между тем руководство американского Госдепартамента более спокойно и дифференцированно отнеслось к первым известиям о желании Токио нормализовать отношения с Москвой и Пекином, но не собиралось пускать дело на самотек и намерено было внимательно следить за развитием ситуации, подсказывать Токио необходимые шаги и предостерегать его от неверных действий. 10 января 1955 г. госсекретарь США Дж. Даллес в ответ на декабрьскую информацию Аллисона о планах Токио в отношении СССР и Китая направил ему указания о позиции Вашингтона в этом вопросе.

Даллес извещал Аллисона, что США не могут отговаривать Японию от установления отношений с Советским Союзом, но против признания ею коммунистического Китая, поскольку тот проводит «агрессивную политику». Они также не хотят потерпеть публичное дипломатическое поражение в случае, если Токио в конечном итоге предпримет шаги по развитию дипломатических отношений с обеими державами⁹.

Специальное внимание госсекретарь уделил курильской территориальной проблеме, выражая желание Вашингтона держать ее под контролем и оказывать поддержку Токио в этом вопросе. Даллес указывал Аллисону, что следует обращать внимание японцев на поддержку Соединенными Штатами суверенитета Японии над островами Хабомаи и Шикотан и запрашивать позицию Токио в отношении этих и Курильских (т.е. Большой Курильской гряды. – В.С.) островов во всех дискуссиях с Советским Союзом¹⁰.

Из этих директив следовало, что Вашингтон по-разному относился к перспективам восстановления дипломатических отношений Токио с Москвой и Пекином. Если применительно к СССР у него не было серьезных возражений против нормализации, то признавать КНР он не мог позволить ни себе, ни своим союзникам, так как обвинял Пекин в силовой экспансии коммунизма в соседние страны. В то же время Вашингтон намерен был внимательно следить за обсуждением курильской проблемы между Москвой и Токио и заранее становился на сторону последнего как своего союзника, чтобы не допустить здесь каких-либо уступок СССР со стороны Японии и стратегического ущерба для американской политики на Дальнем Востоке.

Японское руководство, еще не зная истинной позиции американского Госдепартамента в лице Даллеса по вопросу восстановления отношений с Москвой и исходя из результатов бесед в начале января 1955 г. с Аллисоном, генералом Халлом и адмиралом Рэдфордом, было вынуждено изменить тактику в диалоге с СССР. 7 и 8 января Хатояма через свое доверенное лицо сообщил главе советского торгового представительства в Токио А.И. Домницкому, что в связи с противодействием американцев он считает невозможным для Японии предпринимать открытую инициативу в деле нормализации отношений и поэтому предлагает СССР направить в адрес Токио официальное приглашение прислать в Москву для обсуждения советско-японских отношений его, Хатоямы, конкретного представителя. Это, по его мнению, обяжет Японию дать ответ и исключить вмешательство американцев в выбор участников поездки, учитывая крайнюю засоренность МИДа Японии американской агентурой. Причем основная миссия этого представителя должна была носить закрытый характер и состоять в обмене мнениями и поиске путей к установлению контактов между СССР и Японией для начала официальных переговоров по всем вопросам двусторонних отношений.

МИД СССР полагал целесообразным воспользоваться возможностью организовать встречу с министром иностранных дел Сигемицу и передать ему свое заявление по вопросу нормализации отношений. Однако предложенный японцами текст советского обращения к Токио дипломатическое ведомство СССР посчитало неприемлемым, поскольку инициатива приглашения должна была исходить от Москвы, и советской стороне японский эмиссар не был известен. Но, чтобы не создавать у японцев впечатление отсутствия склонности у советской стороны учитывать их пожелания, МИД предлагал ответить им в том духе, что в Москве не будет возражений против приезда для переговоров уполномоченного представителя японского правительства.

14 января 1955 г. Президиум ЦК согласился с данными рекомендациями и поручил Домницкому встретиться с Сигемицу и заявить о целесообразности обмена мнениями о возможных шагах по нормализации межгосударственных отношений и провести переговоры в Москве или Токио. При этом в официальном заявлении ничего не говорилось о приглашении советской стороной конкретного уполномоченного японского представителя, в чем состоял весь смысл японской просьбы.

Встречу с Сигемицу Домницкому устроить не удалось из-за отказа министра, сославшегося на протокол, якобы не позволявший вступать в официальные контакты с представителем страны, не имевшей дипломатических отношений с Японией¹¹. Тогда Домницкому было поручено встретиться непосредственно с Хатоямой в силу большей расположенности того к диалогу с Москвой и его публичных заявлений о намерении самому стать инициатором нормализации с Москвой¹².

Вопрос о такой нормализации представлял собой часть внешнеполитической программы Хатоямы, направленной на приобретение Японией более самостоятельной и независимой роли в мире, что означало больше свободы от США при сохранении, однако, прочных союзнических отношений с ними как основы ее политики. В своей программной речи в парламенте 22 января 1955 г. он следующим образом определил этот курс: «Важнейшей задачей Японии в настоящее время является быстрее завершение строительства самостоятельного и независимого государства». Для достижения этой цели правительство будет стремиться урегулировать свои отношения с теми странами, с которыми они еще не установлены¹³.

25 января 1955 г. Домницкий по поручению своего правительства посетил Хатояму и, сославшись на заявления СССР и Японии о желательности нормализации взаимоотношений, сообщил ему предложение советской стороны обменяться мнениями о шагах к такой нормализации и провести переговоры в Москве или Токио¹⁴.

Прежде чем ответить на советское предложение, Хатояма проинформировал о нем американцев, передав в тот же день в американское посольство копию советской ноты и продемонстрировав тем самым свою лояльность США и определенную политическую зависимость от них. Объясняя в парламенте этот свой шаг, он говорил: «Я считал, что если бы эта нота осталась у меня и я начал бы переговоры, не связавшись сразу с Соединенными Штатами, то у них зародились бы определенные подозрения. Исходя из этих соображений, я дал указание в тот же день сделать так, чтобы не возникло никаких недоразумений в наших отношениях с Соединенными Штатами»¹⁵. Также он поступал и с последующими документами, которыми обменивались Советский Союз и Япония по вопросу нормализации отношений.

В тот же день, 25 января, посол Аллисон сообщил текст советской ноты в Вашингтон, а на следующий – содержание своей беседы с Сигемицу, который заявил ему, что Япония будет приветствовать «персональный или неофициальный совет» американцев по поводу инициативы СССР, но что их публичный или официальный комментарий может быть лишь контрпродуктивен¹⁶. Сигемицу, таким образом, с одной стороны, хотел получать консультации от Вашингтона по конкретным вопросам отношений с СССР, а с другой – стремился сохранить лицо внешней политики Токио, создать видимость ее независимости от США.

Последние, однако, и сами понимали деликатность ситуации и не хотели демонстрировать прямое публичное вмешательство в нее, чтобы не подставлять себя под огонь критики со стороны Москвы и японского общественного мнения, очень болезненно относившегося к чрезмерной опеке Соединенных Штатов над Японией. В то же время Вашингтон с большой охотой и заинтересованностью согласился играть роль закулисного советчика и консультанта Токио в диалоге с СССР.

В ответ на телеграммы Аллисона госсекретарь США Даллес незамедлительно, 26 января, дал ему необходимые указания по информированию Токио о позиции Вашингтона по вопросу советско-японских переговоров. Послу поручалось передать японскому МИДу, что США рады снабжать японскую сторону любыми комментариями, которые могут быть ей полезны, но не желают оказывать влияние на ее решение в связи с советским предложением.

Аллисону позволялось объяснить японцам, что любое урегулирование между Японией и СССР не должно затрагивать ее существующие договорные отношения, прежде всего договор безопасности с США 1951 г. и договор с тайваньским правительством Чан Кайши. Оно не должно противоречить Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. В частности, США заявляли о продолжении поддержки утверждения Японии о том, что острова Хабомаи и Шикотан не являются частью Курил и остаются японской территорией, и считали возможным передать этот вопрос на рассмотрение Международного суда¹⁷. Даллес поручал Аллисону рекомендовать Японии достичь благоприятного соглашения с Москвой о рыболовстве и освобождении осужденных в СССР японских военнопленных и гражданских лиц, а также добиться от советского правительства обязательства безоговорочно поддержать принятие Японией в ООН¹⁸.

Спустя 2 дня Аллисон обсудил содержание директивы Даллеса с советником японского МИДа М. Тани, который отметил соответствие всех ее положений взглядам Сигемицу на методы ведения дел с Советским Союзом¹⁹.

Первые рекомендации США показали японскому правительству, что они не против нормализации японо-советских отношений и не намерены прямо в них вмешиваться, но хотят держать этот процесс под контролем и что взгляды Вашингтона и Токио по данному вопросу на самом деле очень схожи. Поэтому на своем заседании 4 февраля 1955 г. японское правительство решило согласиться с предложением советской сторо-

ны от 25 января начать переговоры, но вести их не в Токио или Москве, а в Нью-Йорке, поближе к своему американскому союзнику.

Проводить переговоры в Токио, как отмечали японские дипломаты, японская сторона не хотела из-за опасений «кулуарной» деятельности там советской делегации и возможного вмешательства левых и правых сил своей страны, а также из-за того, что это, по мнению МИДа Японии, означало бы признание де-факто советского представительства в Токио, которое японцы перестали признавать с 28 апреля 1952 г.²⁰ В то же время Хатояма в ряде своих публичных выступлений в эти же дни заявлял о возможности ведения переговоров в Токио или Москве, если СССР отклонит Нью-Йорк.

5 февраля 1955 г. японский наблюдатель при ООН Р. Савада вручил представителю СССР в этой организации А.А. Соболеву ноту, в которой говорилось, что «правительство Японии согласно с предложением советской стороны об организации обмена мнениями в интересах нормализации отношений» и предлагает вести переговоры в Нью-Йорке»²¹.

Для советского руководства Нью-Йорк был нежелательным местом переговоров ввиду неизбежности вмешательства в них американцев. Кроме того, оно учло публичные высказывания Хатоямы о возможности его замены, а также полученную от доверенных лиц японского премьера информацию о том, что сам Хатояма считает Нью-Йорк неприемлемым местом ни для Японии, ни для СССР, и зондаж в этом городе явится лишь крышей для переговоров в Токио или Москве. Поэтому в своей ответной ноте, переданной Хатояме представителем СССР в Японии Домницким 16 февраля 1955 г., советское правительство сообщило, что отклоняет Нью-Йорк как переговорный пункт и, если Токио или Москва не подходят для японской стороны, оно готово согласиться с таким местом, какое японское правительство считает наиболее подходящим²².

Последнее охотно воспользовалось предоставленным ему правом выбора и вновь указало на Нью-Йорк. В ноте, врученной Савадой Соболеву 23 февраля 1955 г., японское правительство заявляло, что в соответствии с выраженной Москвой готовностью оно считает, что между двумя правительствами, в сущности, достигнуто соглашение относительно Нью-Йорка и теперь необходимо провести подготовительные мероприятия для переговоров²³.

Прежде чем ответить, Москва размышляла целый месяц, поскольку в Японии проходили парламентские выборы и необходимо было дожидаться образования нового кабинета и объявления его программы. В результате выборов 27 февраля Демократическая партия Хатоямы получила наибольшее число депутатских мест, а Либеральная партия его политического оппонента и бывшего премьер-министра С. Иосиды потерпела сокрушительное поражение. Сам Хатояма в интервью японской газете объяснил победу своей партии поддержкой народом ее политики по отношению к СССР²⁴.

После формирования 19 марта нового кабинета премьер Хатояма и министр иностранных дел Сигемицу вновь высказались в том смысле, что японское правительство будет стремиться к нормализации отношений с СССР. При этом по вопросу советско-японских переговоров Хатояма заявил, что его правительство ожидает ответа Москвы на свою последнюю ноту от 23 февраля с просьбой подтвердить согласие вести переговоры в Нью-Йорке.

В этой связи МИД СССР посчитал возможным дать такое согласие и запросить Токио о приемлемой дате начала переговоров. Соответствующие предложения 24 марта были утверждены Президиумом ЦК КПСС в виде указаний постоянному представителю СССР при ООН Соболеву информировать нотой Токио об этом решении через наблюдателя Японии при ООН Саваду. Однако директива Соболеву послана не была, поскольку в Москве получили сведения об усилении давления американцев на японское правительство по вопросу переговоров с СССР.

В частности, сообщалось об их попытках свести нормализацию советско-японских отношений к второстепенным проблемам, об отстранении от советско-японских

переговоров по требованию американцев всех тех, кто стоял за действительное и быстрое восстановление отношений с СССР и о назначении на их место наиболее легко поддающихся американскому давлению лиц. Как сообщалось, по настоянию американского посла Аллисона Хатояма и Сигемицу утвердили полномочным представителем Японии на переговорах с Москвой депутата парламента и бывшего посла С. Мацумото, который, как полагали, все вопросы будет прежде всего согласовывать с США.

В таких обстоятельствах МИД СССР полагал неразумным вести переговоры в Нью-Йорке, под бдительным оком американцев и пришел к выводу о целесообразности вернуться к своему прежнему предложению о кандидатурах Москвы или Токио. В соответствии с этой рекомендацией Президиум ЦК КПСС 26 марта 1955 г. изменил свое последнее решение по данному вопросу, поручив уже не Соболеву, а Домницкому передать нотой японскому правительству предложение правительства СССР избрать один из этих двух городов с учетом недавних заявлений на этот счет Хатоямы и его представителей.

Однако японское правительство вновь не согласилось с советским предложением о столицах и в ноте от 9 апреля 1955 г. опять настаивало на Нью-Йорке²⁵. Тогда советское руководство решило изменить тактику и отказаться от кандидатур Москвы или Токио в пользу другой страны, за исключением США. Данная тактика быстро и успешно сработала. 19 апреля 1955 г. советская сторона высказалась за любой пункт третьего государства, кроме Соединенных Штатов²⁶. От себя она предлагала кандидатуры Женеви или Лондона. В результате 23 апреля японское правительство выбрало британскую столицу, выразив готовность начать переговоры 1 июня 1955 г. Спустя 2 дня советское правительство дало на это свое согласие²⁷.

После парламентских выборов в Японии в феврале 1955 г., сформирования в марте нового кабинета Хатоямы–Сигемицу и в связи с практически определившимися перспективами советско-японских переговоров в японских политических кругах стали активно дискутироваться основные темы этих переговоров и возможная тактика Токио на них. При этом под воздействием общественного мнения страны и внешних факторов кардинальные изменения произошли за весенние месяцы в позиции японского правительства. Если министр иностранных дел Сигемицу всегда отстаивал необходимость первоочередного разрешения спорных проблем советско-японских отношений (таких, как территориальная и освобождение осужденных в СССР за военные преступления японских граждан), прежде чем приступать к их восстановлению по дипломатической линии, то теперь и премьер Хатояма стал высказываться в том же духе, изменив свое прежнее, прямо противоположное мнение²⁸.

Еще в январе 1955 г. он заявлял, что целесообразно добиться разрешения спорных вопросов о территориях и задерживаемых в СССР японцах после прекращения состояния войны, и что в аналогичной ситуации Япония поддерживает хорошие отношения с США, хотя между ними еще не разрешен вопрос о возвращении островов Окинава и Огасавара²⁹. Однако накануне переговоров в Лондоне, 26 мая 1955 г., отвечая в парламенте одному из депутатов, Хатояма уже говорил, что в британской столице вопрос о задерживаемых японских гражданах «будет выдвинут в первую очередь и станет предметом переговоров»³⁰.

К этому времени линия японского правительства на предстоявших переговорах в основном сформировалась и отражала, по существу, взгляды Сигемицу, еще больше укрепившиеся ввиду поддержки из Вашингтона. 26 мая он изложил ее в своем выступлении в парламенте. Сигемицу отметил, что целью переговоров являются прекращение состояния войны, заключение мирного договора, нормализация отношений и обмен дипломатическими представителями между СССР и Японией, а также разрешение ряда вопросов, возникших в двусторонних отношениях в результате войны. Среди последних по степени важности и очередности их решения он упомянул следующие: освобождение и репатриация осужденных в СССР за военные преступления японских граждан; территориальный вопрос, «включающий острова, относящиеся к о. Хоккайдо

(т.е. Хабомаи и Шикотан. – В.С.), острова Тисима [Большие Курильские от Кунашира до Шумшу], южную часть Карафуто [Сахалин] и др.»; рыболовство в северных водах, торговля, допуск Японии в ООН и т.д.³¹

Министр обещал депутатам приложить все усилия к разрешению упомянутых вопросов. Хотя прямо об этом он и не говорил, но применительно к территориальному спору это могло означать разве что пересмотр тогдашнего статуса указанных земель, которые находились под суверенитетом Советского Союза. Более того, в этот список теперь попали не только Хабомаи и Шикотан, но и острова Большой Курильской гряды и Южный Сахалин, которые прежде в претензиях правительства Хатоямы не фигурировали.

Еще в январе–марте 1955 г. Хатояма был готов ограничиться в ходе советско-японских переговоров требованием возвращения Японии только островов Хабомаи и Шикотан и, отвечая на упреки со стороны оппозиции, признавал, что у страны нет оснований требовать передачи ей всех Курильских островов и Южного Сахалина, поскольку она отказалась от них по Сан-Францисскому договору³². Дрейф правительства в этом деле в сторону более жесткой позиции к моменту начала переговоров в Лондоне объяснялся давлением внутренних и внешних сил. Особенно было заметно влияние американской дипломатии, которая как раз в эти дни активно работала с японским МИДом по этому и другим вопросам советско-японского урегулирования.

Территориальная проблема в контексте советско-японской нормализации стала в это время для американской дипломатии центральной, поскольку и прямым, и косвенным образом затрагивала важные политические и стратегические интересы США. Токио не мог здесь рассчитывать на их безоговорочную поддержку, ибо это могло рикошетом ударить по самим Соединенным Штатам, но максимально возможно поддержать Японию в этом вопросе они были готовы.

Еще в конце января 1955 г., когда стала очевидна готовность США поддержать утверждения Токио о географическом статусе Хабомаи и Шикотана, японское посольство в Вашингтоне неофициально информировало Госдепартамент о том, что Япония намерена потребовать возвращения этих островов в качестве минимального условия нормализации отношений с Москвой и может попросить разъяснения позиции США по вопросу статуса Курильских островов и Южного Сахалина. Более того, японский посланник хотел, чтобы Вашингтон отказался от Ялтинского соглашения И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 11 февраля 1945 г. по этим островам³³.

Отдел Северо-Восточной Азии Госдепартамента запросил мнение своих юристов на этот счет. В частности, его директор Р. Маккларкин интересовался, можно ли считать: 1) что по отношению к участникам Сан-Францисского договора Япония отказалась от претензий на Курилы и Южный Сахалин и их принадлежность должна быть определена будущими международными решениями; 2) что СССР не получил никаких выгод от такого отказа как не подписавший договор; 3) что Потсдамская декларация союзных держав от 26 июля 1945 г. и Акт о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. не говорят о ее отказе от Курильских островов, поскольку эти документы ссылаются на Каирскую декларацию США, Великобритании и Китая от 1 декабря 1943 г., согласно которой Япония лишалась тех территорий, какие были приобретены ею посредством «насилия и алчности», а Курилы к таковым не относятся; 4) что в силу вышесказанного Япония не отказалась от претензий на Курильские острова применительно к Советскому Союзу и поэтому США могут поддержать эти претензии в связи с СССР, хотя это может бросить тень сомнения на территориальные статьи договора. При этом Маккларкин полагал, что Ялтинское соглашение здесь неприменимо, так как его положения не включены в Сан-Францисский договор и оно было нарушено Москвой³⁴.

Таким образом, сущность вопросов Маккларкина сводилась к следующему: можно ли сделать вывод о том, что Япония отказалась от Курильских островов и Южного Сахалина только по отношению к подписантам Сан-Францисского договора, но не к СССР, что принадлежность этих территорий не определена и что Токио имеет право

предъявить Советскому Союзу претензии на Курилы, но не на Южный Сахалин, отторгнутый Японией посредством «насилия и алчности» в 1905 г.

17 февраля помощник юридического советника по дальневосточным вопросам Госдепартамента К. Сноу представил свои разъяснения. На первые два вопроса Мак-Кларкина он дал положительные ответы. О взаимосвязи Потсдамской декларации с вопросом о Курилах и Южном Сахалине, по мнению Сноу, свидетельствовал Сан-Францисский мирный договор, который, зафиксировав отказ Японии от них, скорее, явился реализацией ее положения о будущей судьбе «менее крупных островов» Японии, которую должны были определить союзники, чем попыткой выполнить туманное указание Каирской декларации о территориях, приобретенных с помощью «насилия и алчности»³⁵.

Относительно позиции Вашингтона и Токио насчет статуса Курильских островов Сноу подчеркивал, что США не могут быть более последовательны в утверждении, что Япония не отказалась от них, чем она сама могла бы заявить, что не отказалась от Формозы и Пескадорских островов. Поэтому японцам следует утверждать, имея в виду позиции американского госсекретаря и Сената, что принадлежность островов должна быть определена на международном уровне. А для США, по мнению Сноу, было бы совершенно оправданно поддержать японцев аргументом о том, что эти острова следовало бы вернуть ей международным решением, таким как соглашение союзных держав, включая СССР. Что же касается Хабомаи и Шикотана, то здесь, на взгляд американского юриста, США могли абсолютно свободно поддерживать Японию в отрицании принадлежности их к Курильским островам, а следовательно, и факта отказа от Хабомаи и Шикотана³⁶.

Разъяснения Сноу означали, что ни у Токио, ни у Вашингтона не было оснований утверждать, что Япония не отказалась от Южного Сахалина и Курильских островов, но, поскольку судьба этих территорий не была определена Сан-Францисским договором, а Ялтинское соглашение Соединенными Штатами дискриминировалось, последним предлагалось отстаивать возвращение ей хотя бы Курил посредством международного соглашения.

Подобная процедура поддержки Токио показалась американским плановикам, очевидно, довольно сложной и малоэффективной и, не имея оснований отрицать факт отказа Японии от Курильских островов и Южного Сахалина, они выдвинули новую формулировку в ее пользу и против СССР при подготовке в марте 1955 г. очередного директивного доклада об американской политике в отношении Японии. Этот тезис указывал на незаконность прав СССР на Курилы и Южный Сахалин. В проекте доклада по территориальному вопросу, подготовленном отделом Северо-Восточной Азии Госдепартамента и Советом национальной безопасности (СНБ) США, говорилось: «Поддерживать требования Японии к Советскому Союзу относительно суверенитета над островами Хабомаи и Шикотан; рассматривать как юридически недействительные претензии Советского Союза на суверенитет над Курильскими островами (т.е. Большой Курильской грядой. – В.С.) и Южным Сахалином»³⁷.

Вторая часть параграфа явно основывалась только на Сан-Францисском договоре и непризнании Ялтинского соглашения как документа прямого действия и игнорировала другие международные акты. Однако подобный прямолинейный и односторонний подход оказывался невыгодным для самих Соединенных Штатов, которые, создав в связи с Сан-Францисским договором чрезвычайно запутанную юридическую ситуацию в территориальном вопросе, с трудом представляли себе, как из нее аккуратно выбраться. В американской администрации практически не было человека, включая президента Д. Эйзенхауэра, кто бы мог поначалу свободно ориентироваться во всех тонкостях и хитросплетениях этого дела. Кроме, пожалуй, одного человека.

Лучше всех с этой коллизией был знаком ее непосредственный автор – госсекретарь Даллес, сконструировавший такой вариант мирного договора и сразу же увидевший опасность для Вашингтона в неосторожном обращении с территориальной проблемой и в безоглядной поддержке здесь японцев, что могло бумерангом ударить по страте-

гическим интересам США в районе Японии. Госсекретарь имел в виду взаимосвязь статуса Курильских островов и управлявшихся Соединенными Штатами островов Рюкю и Бонин, на которых они намеревались сохранить свои позиции и в будущем. Он опасался, что удовлетворение всех территориальных требований Японии к СССР логически повлечет за собой подобные же претензии к Соединенным Штатам по поводу их прав на указанные японские островные владения, и потому считал оправданной безоговорочную поддержку Токио лишь в отношении Хабомаи и Шикотана, но никак не Большой Курильской гряды и Южного Сахалина.

Еще на заседании Совета национальной безопасности (СНБ) 10 марта 1955 г. он заметил, что, «если когда-либо окажется, что Советский Союз уступил значительную часть Курильского архипелага, США сразу почувствуют сильное давление со стороны Японии в отношении возвращения ей островов Рюкю»³⁸. А на очередном заседании совета 7 апреля 1955 г. при обсуждении вышеупомянутого территориального параграфа проекта доклада СНБ о политике в отношении Японии госсекретарь согласился с первой частью параграфа, касавшейся Хабомаи и Шикотана, но не согласился со второй, говорившей о незаконности прав СССР на Большие Курилы и Южный Сахалин.

Объясняя свои возражения, он предупреждал: «Если мы будем действовать таким образом, мы вскоре почувствуем себя на очень зыбкой почве. Советские претензии на Курилы и Южный Сахалин практически идентичны нашим претензиям на острова Рюкю и Бонин. Соответственно в процессе наших усилий по выдворению Советского Союза с Курил и Южного Сахалина мы можем оказаться выдворенными с Рюкю и Бонин». При этом он подчеркнул, что сохранять свои позиции на этих островах Соединенным Штатам позволяет Сан-Францисский мирный договор 1951 г., по которому японцы согласились с ограничением своего суверенитета четырьмя главными японскими островами³⁹.

После подобных убедительных объяснений присутствовавший на заседании президент Эйзенхауэр посчитал нецелесообразным и невозможным сохранять в проекте доклада СНБ упоминание о непризнании прав СССР на Курилы и Южный Сахалин, добавив к тому же, что русских все равно не удастся оттуда выгнать⁴⁰. Однако по предложению присутствовавших было решено фразу не вычеркивать, а изменить, после чего она стала выглядеть следующим образом: «Не уступать претензиям Советского Союза на суверенитет над Курильскими островами и Южным Сахалином»⁴¹.

Хотя в новом прочтении параграфа уже не было признания незаконности прав СССР на Большие Курилы и Южный Сахалин, но не было и признания их законности. Более того, американцы намерены были всячески препятствовать такому признанию и в будущем. Формально они следовали строго в фарватере Сан-Францисского мирного договора, который не оговаривал статус этих территорий, а потому Вашингтон не хотел интерпретировать данный факт в пользу Москвы.

В указанном виде фраза вместе с первой частью параграфа, касавшейся Хабомаи и Шикотана, вошла в итоговое заявление Совета национальной безопасности о политике США в отношении Японии, одобренное президентом Эйзенхауэром 7 апреля 1955 г.⁴² В этом заявлении американское руководство дифференцированно подходило к советскому и китайскому направлениям японской внешней политики. В заявлении СНБ подчеркивалось, что Соединенные Штаты не возражают против установления Японией дипломатических отношений с Советским Союзом, но однозначно возражают против аналогичного шага в отношении КНР. Одновременно документ ясно говорил о поддержке и поощрении Вашингтоном требований Японии к СССР и КНР насчет репатриации ее бывшего военного и гражданского персонала и прекращения задержания ее рыболовных судов⁴³.

Оценивая возможные результаты сближения Токио с Москвой и Пекином, Вашингтон высказывал свою озабоченность по некоторым пунктам. Документ СНБ признавал, что развитие Японией более тесных отношений с коммунистическим блоком, вероятно, вызовет в будущем серьезные трения с США. В области экономики американцы

опасались, с одной стороны, попадания в социалистический лагерь через торговлю с Японией товаров и технологий военно-стратегического назначения, а с другой – экономической зависимости Токио от него. В этой связи в заявлении СНБ отмечалось намерение США настаивать на продолжении сотрудничества Японии с политикой Запада по контролю за экспортом в социалистические страны и препятствовать попаданию Японии в зависимость от них в снабжении ее важными видами продовольствия и сырья и в экспортной торговле⁴⁴.

С конца апреля 1955 г., когда стал очевиден скорый старт советско-японских переговоров, американская дипломатия начала проявлять к ним прямой интерес и вплотную занялась выработкой своей позиции. 20 апреля заместитель помощника госсекретаря США по делам Дальнего Востока У. Себолд направил помощнику заместителя госсекретаря США по политическим вопросам Р. Мэрфи меморандум, в котором предлагал в связи с приближавшимися переговорами позаботиться о том, чтобы американским интересам ни в коем случае не был причинен ущерб, помочь Японии получить от Советского Союза как можно больше и в то же время избегать прямого вовлечения в переговоры и критики за такое вмешательство⁴⁵.

Себолд рекомендовал своему правительству в целом воздерживаться от публичных заявлений по поводу советско-японских переговоров и считал возможным ставить в известность об американских взглядах японское и советское правительства только тогда, когда американские интересы непосредственно задевались, например в случае коллизии с Сан-Францисским мирным договором 1951 г.⁴⁶

Себолд советовал продолжать поддерживать претензии Японии на Хабомаи и Шикотан на том основании, что они «не являются частью Курил и остаются частью Японии». В то же время в развитие взглядов Даллеса он предупреждал против поддержки японских претензий на Большую Курильскую гряду, так как, на его взгляд, это могло отразиться на позициях США на Рюкю, затронуть статус Тайваня, от которого Япония отказалась по Сан-Францисскому договору (очевидно, по мнению Себолда, Пекин мог получить основания требовать передачи острова под свою юрисдикцию. – В.С.), поощрить японский ирредентизм в отношении своих прежних территорий на юге. Кроме того, он полагал, что враждебное присутствие СССР на северной границе Японии полезно для США, ибо будет являться постоянным раздражителем в советско-японских отношениях. Это, по-видимому, должно было предотвратить нежелательное для Вашингтона политическое сближение между Москвой и Токио.

Поэтому Себолд считал целесообразным по меньшей мере не выдвигать возражений против попыток Токио получить все или часть Курильских островов, а также поддержать любое японское предложение передать территориальные споры в Международный суд⁴⁷.

По другим вопросам советско-японских отношений позиция США в изложении Себолда также выглядела открыто прояпонской и враждебной СССР. Соединенные Штаты готовы были поддержать просьбу Японии о вступлении в ООН, но не в пакете с другими странами, дружественными Советскому Союзу, если бы последний выдвинул это в качестве условия своего согласия. В рыболовных делах Вашингтон поддерживал трехмильную морскую территориальную зону и соответственно выступал против расширения ее до 12 миль, на чем настаивала Москва, против ограничения рыболовства в открытом море этими пределами и задержания там советскими властями японских рыбацких судов. Себолд отмечал, что США стоят за возвращение всех японских граждан, находившихся в заключении в СССР со времен Второй мировой войны и осужденных как военные преступники, и хотят, чтобы японцы тщательно контролировали деятельность советских представителей в своей стране, не позволяя им вмешиваться в ее внутренние дела⁴⁸.

В заключение меморандума Себолд рекомендовал Мэрфи одобрить высказанные предложения и информировать о них американского посла в Токио Дж. Аллисона с тем, чтобы тот обсудил их с главным японским представителем на переговорах с СССР

С. Мацумото, который, по мнению Себолда, был склонен прислушиваться к американским предложениям⁴⁹. Госдепартамент одобрил рекомендации, и 22 апреля 1955 г. Аллисону была направлена соответствующая директива⁵⁰. Последнему не удалось встретиться с Мацумото и пришлось изложить американскую точку зрения в беседах с советником МИДа Японии Тани. В ходе разговора 25 мая 1955 г. японский дипломат заверил, что позиция Токио в этом вопросе в значительной степени аналогична американской⁵¹.

Судя по всему, японцам было сказано и об отсутствии у США возражений против попыток Токио получить от СССР все или часть Курильских островов помимо Хабомаи и Шикотана, потому что именно после этого вопреки своим прежним намерениям у японского правительства появились планы обсудить на переговорах в Лондоне статус всех Курильских островов и Южного Сахалина.

Активная подготовка к переговорам с Японией проводилась и в Москве. МИД СССР считал целесообразным переговоры о нормализации отношений провести в два этапа, учитывая ожидаемую постановку японцами в ходе переговоров ряда острых вопросов, возникших в двусторонних отношениях в результате войны. По его мнению, рассмотрение этих вопросов в Лондоне, особенно о мирном договоре, в котором территориальные статьи могли явиться наиболее трудными, усложнило бы переговоры и затянуло бы восстановление дипломатических отношений.

На первом, лондонском этапе основной целью должны были стать восстановление нормальных дипломатических отношений между СССР и Японией и обмен посольствами как первый шаг на пути мирного урегулирования и развития политических и экономических взаимоотношений друг с другом, а также урегулирование вопросов о прекращении состояния войны, освобождении осужденных в СССР японских граждан, приеме Японии в ООН. Второй этап предлагалось провести в Москве или Токио. Его задачей явилось бы рассмотрение таких тем, как заключение мирного договора, японское рыболовство в Охотском, Беринговом и Японском морях, торговые отношения, вопросы судоходства и др.

Накануне открытия переговоров главе советской делегации послу в Лондоне Малику были даны директивы по их ведению. Руководствуясь указанной целью переговоров в британской столице, он должен был настаивать на том, чтобы они начались с рассмотрения вопроса о восстановлении дипломатических отношений и обмене посольствами между СССР и Японией и завершились выработкой и подписанием официального соглашения об этом. В случае, если бы японцы затронули конкретные проблемные вопросы двусторонних отношений, делегации необходимо было изложить по каждому из них позицию советского правительства.

Она должна была предложить японской стороне одновременно с восстановлением дипломатических отношений заявить в совместной советско-японской декларации о прекращении состояния войны и установлении мирных отношений между СССР и Японией; заявить о возможности положительного решения в ближайшее время вопроса об освобождении и репатриации осужденных в СССР японских военнопленных и гражданских лиц; о намерении СССР не препятствовать приему Японии в ООН; о неприемлемости обсуждения территориального вопроса. По таким сюжетам, как мирный договор, японское рыболовство в северных водах, торговля, судоходство и др., Малик должен был сказать, что они непосредственно не касаются восстановления дипломатических отношений и могут быть обсуждены после его осуществления.

В эти же дни МИД СССР подготовил проекты указов Президиума Верховного Совета СССР об амнистии отбывающих в Советском Союзе наказания японских военнопленных и гражданских лиц и о прекращении состояния войны с Японией. Министерство считало целесообразным огласить последний документ 1 июня 1955 г., в день открытия переговоров. Однако партийно-государственное руководство страны, утвердив оба указа, не согласилось с датой обнародования второго из них и решило, что его следует опубликовать одновременно с установлением дипломатических

отношений с Японией, если она будет возражать на переговорах в Лондоне против объявления о прекращении состояния войны в совместной советско-японской декларации.

Накануне переговоров по поручению партийно-государственного руководства страны МИД СССР подготовил предложения о политических и экономических мероприятиях в отношении Японии на ближайший период после восстановления дипломатических отношений с ней. Министерство считало, что в результате американской оккупации и навязанных Вашингтоном Японии договоров и соглашений последняя поставлена в зависимое положение от него в экономическом, политическом и военном отношении, что дает США возможность использовать ее в своих целях против СССР. В связи с этим МИД полагал необходимым предпринять меры, направленные на усиление влияния Советского Союза в Японии и на ослабление политических и экономических позиций США, используя стремление самой Японии к экономической и политической самостоятельности. Имея это в виду, считалось целесообразным проводить линию на прочное улучшение отношений с Японией с тем, чтобы поставить их на устойчивую мирную основу, для чего осуществить ряд мероприятий.

МИД предлагал заключить с Японией мирный договор, в котором должны быть отражены признание Японией суверенитета СССР на южную часть Сахалина и на Курильские острова, отошедшие к Советскому Союзу по Ялтинскому соглашению 1945 г.; взаимный отказ от участия в коалициях или военных союзах, направленных друг против друга, и разрешение всех споров мирными средствами; взаимный отказ от имущественных претензий, включая репарации; заключение договора о торговле и мореплавании, соглашений о рыболовстве, культурном сотрудничестве и др. Был подготовлен примерный проект мирного договора.

Министерство считало, что если японцы поднимут вопрос о южной части Сахалина или Курильских островах, отошедших к СССР в 1945 г., советская сторона должна отклонить эти претензии, поскольку этот вопрос не подлежит обсуждению как решенный соответствующими соглашениями и актами военного и послевоенного времени. Вместе с тем, если бы японская сторона в ходе переговоров поставила вопрос о возвращении ей островов Хабомаи и Шикотан и если бы этот вопрос стал главным препятствием к мирному урегулированию с Японией, то, по мнению МИДа, советская сторона могла заявить, что при определенных условиях этот вопрос мог бы быть рассмотрен в подходящее для этого время в будущем.

Подходящая ситуация зависела от состояния советско-японских отношений. Министерство считало возможным вступить в переговоры о передаче Японии Хабомаи и Шикотана в ходе мирного урегулирования с ней и если бы советско-японские отношения развивались в благоприятном направлении. Однако в качестве неперемennого условия передачи островов выдвигалось принятие Японией обязательства не предоставлять свою территорию для размещения иностранных военных баз. С учетом невероятности выполнения Японией подобного требования такое предложение МИДа оказывалось гипотетическим, не имевшим шансов быть реализованным и рассчитанным на возникновение на Дальнем Востоке слишком благойственной международной обстановки.

После восстановления дипломатических отношений с Японией МИД предлагал опубликовать указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии японских граждан, отбывающих наказание в Советском Союзе. Если бы японцы пошли на развитие торговли с СССР и согласились подписать торговый договор на приемлемой для него основе, министерство считало возможным заключить с Токио соглашение о регулировании японского рыболовства в северных водах Советского Союза.

Официальные советско-японские переговоры начались в Лондоне 3 июня 1955 г. и превратились в настоящий марафон, продолжавшийся в общей сложности 16 с половиной месяцев и завершившийся подписанием 19 октября 1956 г. в Москве Совместной декларации, провозгласившей прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией.

Примечания

- ¹ Правда. 1954. 13 сентября.
- ² Там же.
- ³ Там же. 12 октября.
- ⁴ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1952–1954. Vol. 1. 14. Pt. 2. Washington, 1985. P. 1776–1777.
- ⁵ *Hellman D.* Japanese Foreign Policy and Domestic Politics: The Peace Agreement with the Soviet Union. Berkeley; Los Angeles, 1969. P. 32; Асахи. 1954. 25 ноября; Иомиури. 1954. 8 декабря.
- ⁶ Ministry of Foreign Affairs. Press Releases (далее – Press Releases). Tokyo, 1956. P. 3.
- ⁷ Правда. 1954. 17 декабря.
- ⁸ FRUS. 1955–1957. Vol. 23. Pt. 1. Washington, 1991. P. 5.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid. P. 6.
- ¹¹ Асахи. 1955. 31 января.
- ¹² Там же. 11, 19 января.
- ¹³ Press Releases. December 1954 – December 1955. P. 5.
- ¹⁴ Правда. 1955. 30 января.
- ¹⁵ *Петров Д.В.* Внешняя политика Японии после Второй мировой войны. М., 1965. С. 142.
- ¹⁶ FRUS. 1955–1957. Vol. 23. Pt. 1. P. 11.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 12.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ *Березин В.Н.* Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. М., 1977. С. 61–62.
- ²¹ Там же. С. 61.
- ²² Правда. 1955. 18 февраля.
- ²³ *Эйдус Х.Т.* СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после Второй мировой войны. М., 1964. С. 126.
- ²⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 146, оп. 44, д. 5, л. 68.
- ²⁵ *Петров Д.В.* Указ. соч. С. 141.
- ²⁶ Правда. 1955. 22 апреля.
- ²⁷ Там же. 27 апреля.
- ²⁸ *Петров Д.В.* Указ. соч. С. 143.
- ²⁹ Асахи. 1955. 19 января, 1 февраля.
- ³⁰ АВП РФ, ф. 146, оп. 44, д. 3, л. 10.
- ³¹ Там же, л. 6.
- ³² *Петров Д.В.* Указ. соч. С. 143–144.
- ³³ FRUS. 1955–1957. Vol. 23. Pt. 1. P. 19; *Hasegawa T.* The Northern Territories Dispute. Vol. 1. Berkeley, 1998. P. 116.
- ³⁴ FRUS. 1955–1957. Vol. 23. Pt. 1. P. 19–21.
- ³⁵ Ibid. P. 21–22.
- ³⁶ Ibid. P. 22.
- ³⁷ Ibid. P. 43.
- ³⁸ Ibid. P. 28–29.
- ³⁹ Ibid. P. 43.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Ibid. P. 43, 59.
- ⁴² Ibid. P. 53.
- ⁴³ Ibid. P. 59.
- ⁴⁴ Ibid. P. 56, 61.
- ⁴⁵ Ibid. P. 65.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid. P. 66.
- ⁴⁸ Ibid. P. 67.
- ⁴⁹ Ibid. P. 68.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Ibid.